

УДК 808.53

ИРОНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2013 К.М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 октября 2012 г.

Аннотация: в статье обсуждается ирония как способ выражения авторского начала в академическом дискурсе. Несмотря на то, что научный дискурс ориентирован на максимально информативное *bona fide* общение, состязательность, необходимость утверждения собственной позиции заставляет авторов отступать от канонов научного стиля. В статье анализируются примеры иронии в устной и письменной академической коммуникации.

Ключевые слова: академический дискурс, вербальная ирония, научный стиль, *bona fide* модус коммуникации, *non-bona fide* модус коммуникации

Abstract: the paper discusses irony as a way to express the author's stance in academic discourse. Despite the fact that scientific communication is oriented towards informative *bona fide* transmission of information, competitiveness and the need for asserting one's stance make the writers step away from the requirements of academic style. The paper analyzes examples of irony both in oral and written academic discourse.

Key words: academic discourse, verbal irony, *bona fide* mode of communication, *non-bona fide* mode of communication

1. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА ОБЩЕНИЯ

Академический дискурс — сфера коммуникации, связанная со специфической сферой человеческой деятельности — получением и трансляцией научного знания. Академический дискурс неоднороден: он включает в себя ситуации научной и образовательной коммуникации. Граница между научным и образовательным общением прозрачна; кроме того, существует также научно-популярный дискурс, который отличается от собственно научного дискурса и по целям, и по составу участников, и по стилю коммуникации.

В академическом дискурсе есть свои особенности, которые можно кратко описать в терминах внешних и внутренних ограничений.

Основным внешним ограничением является необходимость действовать в рамках определенной социальной роли. Набор ролей определяется конкретной ситуацией (лекция, семинар, выступление на конференции, защита диссертации и т.д.) либо жанром научного текста (статья, монография, рецензия на книгу/статью и др.). Роль вносит элемент ритуальности в академический дискурс и в значительной степени определяет спектр возможных и необходимых речевых действий.

Есть еще одно обстоятельство, которое влияет на выбор речевых средств: академический дискурс, как и политическая коммуникация,

характеризуется состязательностью. Ни один научный текст не существует «в вакууме»; так или иначе исследователь обязан «вписать» свою точку зрения в существующую систему знаний и выразить отношение к уже имеющимся исследованиям в данной области [1, 2]. Однако, в отличие от политической коммуникации, научная состязательность не всегда выражается явно; наоборот, в ряде случаев конкуренция точек зрения проявляется имплицитно.

К внутреннему ограничению можно отнести требования научного стиля. Традиционное выделение научного стиля объясняется особыми логико-лингвистическими свойствами научных текстов. К этим свойствам относят прежде всего объективность и обобщенность, логическую доказательность, терминологичность, точность изложения фактов [3].

Изучение научных текстов в рамках стилистики сосредоточено преимущественно на структуре научного текста. При этом практически не уделяется внимания его интерактивным свойствам, хотя очевидно, что любое научное произведение, как письменное, так и устное, имеет четкую риторическую направленность: цель автора — не только сообщить некоторую информацию, но и убедить адресата/аудиорию в правоте излагаемой точки зрения [1].

Академический дискурс существует в устной и письменной форме. На первый взгляд кажущееся тривиальным, данное различие является

принципиально важным в наших дальнейших рассуждениях об иронии в академической коммуникации. Различия между устной и письменной формой определяются, с одной стороны, жанровыми требованиями научных текстов, с другой, необходимостью взаимодействия автора текста с аудиторией или читателями. Баланс этих разнонаправленных «сил» соблюдается в письменных текстах и устной коммуникации по-разному: ситуации устной коммуникации дают больше свободы в выборе речевых средств. Каноны организации письменного текста, напротив, отличаются большей жесткостью.

Академический дискурс характеризуется жанровой неоднородностью, и это означает, что вероятность проявления авторского начала и открытое выражение оценки в различных жанрах будет разной: ясно, что полемическая статья или обсуждение устного сообщения не просто предполагает, но и требует обязательного выражения собственной позиции автора.

Основной вопрос данного исследования заключается в следующем: в какой степени реальная академическая коммуникация соответствует идеальному представлению о ней? Допускает ли научный текст переключение с серьезного (*bona fide*) на иронический модус общения? И, наконец, если такое переключение принципиально возможно, как оно влияет на общий ход коммуникации?

2. ИРОНИЯ В ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ СТРЕМЛЕНИЕМ К ОБЪЕКТИВНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И СУБЪЕКТИВНОСТЬЮ ИРОНИИ

Требования научного стиля проецируются на академический дискурс в целом, и результатом этой проекции является набор стереотипных представлений о свойствах академической коммуникации. Самым распространенным из них является, пожалуй, представление об авторской беспристрастности и объективности. Отступления от каноничности научного стиля рассматриваются как нежелательные проявления субъективности, что противоречит объективности научного знания.

Существование подобных стереотипов означает, что ирония как способ выражения критического отношения к оппонентам автоматически оказывается «*persona non grata*» в научном тексте. Неудивительно, что в исследованиях по академическому дискурсу ей уделяется сравнительно мало внимания — из существующих на сегодняшний день работ можно упомянуть статью Д. Майерса [4], в которой с позиции теории иронии-как-эха исследуется ироническое цитирование в научных статьях. Ирония как один из способов повышения авторитетности в научном тексте упоминается

также в статье А.А. Болдыревой и В.Б. Кашкина [5]. В работе [6] обсуждается проблема самоиронии. Исследуя риторическую структуру предисловий в англоязычных монографиях, Д. Джаннони делает вывод о том, что основная функция самоиронии в этих фрагментах текста сводится к извинению перед близкими людьми за неудобства, вызванные написанием книги.

Вообще, в соответствии с требованиями научного стиля автор должен стремиться к тому, чтобы его личность была максимально «скрыта» от читателя. Целью такой стратегии является повышение объективности изложения, поэтому руководства по научному стилю советуют начинающим авторам избегать открытых проявлений авторского начала. На самом же деле следовать этим советам и полностью избавиться от личного начала в академическом тексте практически невозможно: научные тексты различных жанров вполне допускают проявление авторских эмоций, а в ряде случаев мы сталкиваемся с открытым выражением критического отношения автора к работам коллег. Прямая критика конкурирующей точки зрения позволяет указать на слабые места в теории оппонента и убедить читателя в собственной правоте.

Далеко не всегда конкуренция точек зрения в научном тексте выражается эксплицитно. Ирония оказывается вполне допустимым способом обращения к эмоциям читателя. Пример иронической критики — фрагмент текста Ю.Д. Апресяна:

Покоряющие своей пронизательностью и красотой и исключительно подробные толкования предметной лексики, предложенные Анной Вежбицкой (от полутора до двух страниц текста для таких существительных, как кошки, мыши, собаки), все-таки не являются исчерпывающими [7, 28].

Данный фрагмент — классический пример иронии, интерпретируемой «от противного»: вряд ли сложные двухстраничные описания кошек и собак можно считать пронизательными и красивыми. Цель такой иронии — противопоставить собственную точку зрения обсуждаемой теории, указать на слабые места (в данном случае на очевидную громоздкость метаязыка семантического описания, которым пользуется А. Вежбицкая).

Еще один пример — фрагмент обзорной статьи В. Раскина, посвященной истории изучения вербального юмора:

There are no full-time humor researchers in the world. A few years ago, there was a rumor that there was one in France but it has never been independently confirmed, and the oddity of French academic affiliations and titles, before the EU attempts to homogenize them into some sort of an American-like system, has made it even harder [8, 3].

Используя иронию, автор одновременно ре-

шает несколько прагматических задач. С одной стороны, В. Раскин выражает критическое отношение к объекту иронии — системе образования и попыткам чиновников Евросоюза унифицировать системы образования разных стран Европы. С другой стороны, Раскин развлекает читателя, переключая его внимание с обсуждаемых проблем исследования юмора на вопросы, которые не имеют прямого отношения к основной теме статьи.

Еще один случай иронической научной коммуникации — это научный метадискурс, т. е. оценка учеными собственной деятельности. На уровне метадискурса *non-bona fide* модус может стать основным способом общения, и тогда мы имеем дело с пародией на научный стиль. Критическое отношение к работе ученых в целом либо к форме и содержанию научных текстов переводит такие тексты из юмористических в иронические. В качестве примеров приведем отрывок из статьи Н. Сумбатовой «К типологии лингвистической халтуры»:

«Настоящая работа посвящена широко распространенному среди лингвистов разных школ и направлений явлению халтуры. Сразу оговоримся, что к определению данного понятия существуют различные подходы. Наше рабочее определение относит к халтуре только такие виды научных и псевдонаучных работ, которые заведомо могли быть выполнены автором (авторами) на более высоком уровне, но были выполнены некачественно или не были выполнены вовсе. Для понимания сущности халтуры важно то обстоятельство, что автор халтурной работы пытается представить её как менее или вовсе не халтурную. Таким образом, работы, которые оказались плохими в связи с идиотизмом или случайной неудачей/ошибкой автора, халтурой в нашем понимании не являются» [9].

Формально автор соблюдает каноны научного стиля: текст включает целую серию маркеров научного стиля (*настоящая проблема посвящена...к определению данного понятия существуют различные подходы, для понимания сущности и др.*). Однако постоянное сочетание маркеров научного текста с разговорными «халтура», «идиотизм» указывают на пародийный характер текста.

3. ИРОНИЯ В УСТНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В устной научной коммуникации ирония функционирует как сигнал конкуренции точек зрения, а также служит контактоустанавливающим средством. Таким образом обеспечивается взаимодействие всех участников академического дискурса — говорящего, оппонентов и аудитории. Здесь возможно несколько ситуаций:

1. Говорящий отступает от основной линии изложения научных фактов и апеллирует не к ра-

циональной, а к эмоциональной их оценке. Такая апелляция — это смена роли: на некоторое время говорящий перестает быть ученым и становится обывателем, выразителем «наивной картины мира». Смена ролей — это своеобразная игра, позволяющая говорящему переключиться с серьезного общения в *non-bona fide* модус. Фрагмент лекции А. Оганова, посвященной теоретическим разработкам в области новых материалов, хорошо иллюстрирует такой способ перехода от изложения фактов к ироническому комментарию:

И вот перед нами, наверное, самый экзотический способ производства теплоты, наверное, во всей Вселенной — это не распад радиоактивных элементов, это не сожжение какого-то топлива, это даже не сожжение алмаза, это падение миллионов тонн алмазов. Когда я об этом рассказываю, глаза моих студентов загораются алчным огнем, все-таки это капиталистическое общество, и всегда я слышу одно и то же предложение: давайте соорудим экспедицию за алмазами. Но, увы, это невозможно ввиду крайне высоких давлений и температур, да и вообще Нептун состоит из воды, аммиака и метана. Представляете себе, как эта смесь невообразимо воняет? Так что в экспедицию без меня... [10]

Переходы от серьезного к несерьезному маркированы стилистически: в первом случае это использование лексики с ярко выраженной коннотацией (*загораются алчным огнем*), во втором — использование разговорной лексики (*эта смесь невообразимо воняет*). Иными словами, говорящий намеренно нарушает каноны научного стиля, чтобы обозначить элемент игры, свойственный иронии. Ироническое отступление от основной линии повествования и смена роли позволяет говорящему показать наивность «наивной картины мира» и повысить авторитетность излагаемого научного подхода.

2. Говорящий упоминает отдельные факты, которые в совокупности показывают, насколько незначительны или неубедительны результаты научных исследований конкурентов. Именно так в самом начале своей лекции “On Language and Thought” Стивен Пинкер иронически представляет классический подход к описанию языка:

This is a picture of Maurice Druon, the Honorary Perpetual Secretary of L'Academie francaise — the French Academy. He is splendidly attired in his 68,000-dollar uniform, befitting the role of the French Academy as legislating the correct usage in French and perpetuating the language. The French Academy has two main tasks: it compiles a dictionary of official French — they're now working on their ninth edition, which they began in 1930, and they've reached the letter P. They also legislate on correct usage, such as the proper term for what the French call “email,” which ought to be “courriel.” The World Wide Web, the French are told, ought

to be referred to as “la toile d’araignee mondiale” – the Global Spider Web – recommendations that the French gaily ignore. [11]

Ирония Пинкера основана на противопоставлении академического и “пользовательского” отношения к языку. Начало лекции – ироническое описание первого подхода: выясняется, что то, что принято считать настоящей наукой, по мнению Пинкера, таковой не является. Результаты работы Академии иронически представлены как незначительные как по объему, так и по отношению к ним общества. Сигналом перехода от *non-bona fide* к *bona fide* модусу является фраза “*Now, this is one model of how language comes to be: namely, that it’s legislated by an academy*”. Далее говорящий предпочитает прямую критику (*by the time the Academy finishes their dictionary, it will already be well out of date*). Таким образом, с помощью иронии исследователь одновременно указывает на несостоятельность подхода оппонентов, развлекает аудиторию и обозначает собственную позицию.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой научный текст – это не просто изложение информации, но и инструмент убеждения с четко организованной риторической структурой, оптимизированной для воздействия на читателей. Несмотря на требования объективности и беспристрастности изложения, и устная, и письменная научная коммуникация требуют от автора обозначения собственной позиции. В результате стереотипное представление о том, что научный текст лишен авторского начала, оказывается мифом: выражение личной точки зрения, критическая оценка работ коллег является неизбежным проявлением состязательности научной коммуникации.

Ирония – удобный способ выражения критической оценки работ коллег. С помощью иронии говорящий или пишущий может одновременно

апеллировать к рациональному и эмоциональному началу, что, в свою очередь, позволяет решать различные прагматические задачи: критиковать оппонента, утверждать собственную позицию и демонстрировать значимость собственных достижений, развлекать аудиторию, делая текст более доступным и легким для понимания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Hyland K. Metadiscourse / K. Hyland. – London, New York : Continuum, 2005. – 230 p.
2. Livnat Z. Dialogue, Science and Academic Writing / Z. Livnat. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2012. – 216 p.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 694 с.
4. Myers G. The Rhetoric of Irony in Academic Writing / G. Myers // Written Communication. – 1990, No.7. – P. 419-455.
5. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе / А.А. Болдырева, В.Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 1. – Воронеж, 2001. – С. 58-70.
6. Giannoni D.S. Book Acknowledgements across Disciplines and Texts / D.S. Giannoni // Academic discourse across disciplines / Ed. by K. Hyland, M. Bondi. – Peter Lang, 2006. – P. 151-176.
7. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии / Ю.Д. Апресян. – Т. I: Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
8. Raskin V. Theory of Humor and Practice of Humor Research: Editor’s Notes and Thoughts / V. Raskin // The Primer of Humor Research. – Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 1-16.
9. Сумбатова Н.Р. К типологии лингвистической халтуры / Н.Р. Сумбатова // Полит.ру. – (<http://www.polit.ru/article/2007/01/16/sumbat/>).
10. Оганов А. Как научить компьютер открывать новые материалы / А. Оганов // Полит.ру. – (<http://polit.ru/article/2011/08/18/oganol2011txt/>).
11. Pinker S. What Our Language Habits Reveal / S. Pinker // TED. – (http://www.ted.com/talks/steven_pinker_on_language_and_thought.html).

Шилихина К.М., Воронежский государственный университет, канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации
E-mail: Shilikhina@gmail.com

K.M. Shilikhina, Voronezh State University, Candidate of Philology, Associate Professor, Post-Doctoral Research Fellow, Department of Translation and Intercultural Communication.
E-mail: Shilikhina@gmail.com